

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-121-136>

Сергей Владимирович Векленко

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>, veklenkosv@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Презумпция вины в уголовном праве России

Аннотация: Введение. Проблема правильного понимания сущности, содержания и законодательной регламентации вины продолжает оставаться одной из самых актуальных для отечественного уголовного права, так как от ее правильного решения непосредственно зависят многие концептуальные вопросы. Безусловно, в разные времена эта проблема неоднократно становилась предметом научного исследования, однако далеко не все спорные и неоднозначные вопросы удалось привести к приемлемому большинством ученых и правоприменителей решению. **Методы.** В ходе научного поиска использованы общенаучные методы (диалектический, системный, структурный, формально-логический, анализ, синтез, аналогия, функциональный) и специально-юридические методы исследования (юридико-технический, догматический, сравнительно-правовой). В частности, использование парных категорий диалектики позволило установить неразрывную связь и взаимозависимость между понятием и сущностью вины, между ее формами и содержанием. **Результаты.** В статье сформулировано оригинальное понятие вины лица, совершившего преступление, а также ее наиболее значимые для правоприменительной практики формы проявления, которые нуждаются в законодательном закреплении и правоприменительном использовании в противодействии современной преступности. Для практической реализации сформулированных предложений автор считает необходимым внести соответствующие изменения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: презумпция, вина, виновность, вменение, упречность, ненадлежащее

Для цитирования: Векленко С. В. Презумпция вины в уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 131–136; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-131-136>.

Sergey V. Veklenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>, veklenkosv@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Presumption of guilt in the Russian criminal law

Abstract: Introduction. The problem of correct understanding of the essence, content and legislative regulation of guilt continues to be one of the most actual for the national criminal law, as many conceptual issues directly depend on its correct solution. Undoubtedly, at different times this problem repeatedly became the subject of scientific research, but not all controversial and ambiguous issues have been brought to a solution acceptable by the majority of scientists and law enforcement officials. **Methods.** In the process of scientific research general scientific methods (dialectical, systemic, structural, formal-logical, analysis, synthesis, analogy, functional) and special-legal methods of research (legal-technical, dogmatic, comparative-legal) were used. In particular,

the use of paired categories of dialectics made it possible to establish an inseparable connection and interdependence between the concept and essence of guilt, between its forms and content. **Results.** The author formulates an original concept of guilt of a person having committed an offence, as well as its most significant forms of manifestation for law enforcement practice, which require legislative enshrinement and law enforcement use in counteracting modern crime. For practical implementation of the formulated proposals, the author considers it necessary to make appropriate changes in the current Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: presumption, guilt, culpability, imputation, blamefulness, inappropriate

For citation: Veklenko S. V. Presumption of guilt in the Russian criminal law // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 131–136; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-131-136>.

Введение

В разные исторические эпохи представления отдельных людей и различных социальных общностей относительно того, что нужно делать для общего или индивидуального блага, а чего делать не следует, постоянно трансформировались. От постоянно претерпевающих изменения представлений общества о добре и зле, о хорошем и плохом, о том, что заслуживает упрека или, наоборот, является безупречным, о справедливом и несправедливом, о правильном и неправильном непосредственно зависело то, что большинство членов общества считало преступным и уголовно наказуемым. И если на начальных этапах развития человеческой цивилизации на первый план выходили такие объективные признаки как ценность того блага, которому преступник причиняет вред, и величина этого вреда, то в последующем одним из основополагающих оснований уголовной ответственности и наказуемости противоправных деяний становится отношение лица, нарушившего запрет и причинившего вред, к тому, что он непосредственно или опосредованно совершил. Естественно, возникла насущная необходимость определить точные и однозначные критерии надлежащего (одобряемого обществом) и ненадлежащего (порицаемого обществом) отношения субъекта преступления к содеянному.

Методы

Изучение истории философии позволило выяснить, что за несколько столетий до нашей эры родоначальник атомистического материализма Демокрит пришел к выводу, что «честный и бесчестный человек познается не только из того, что он делает, но и из того, что он желает»¹. Один из известнейших философов XX века Ж.-П. Сартр в своих трудах отмечал, что человечество не может существовать без совокупности «априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме... Пределы не субъективны и не объективны, скорее они имеют объективную и субъективную стороны» [1, с. 36–37]. Отечественный философ И. А. Ильин проводит границу между виновностью человека, как «внутреннего состояния его души и духа» и уголовной виновностью, определяемой «расхождением субъективной воли, породившей правонарушение, с единой объективной целью всего права» [2, с. 75].

Известный психолог В. Л. Васильев в своих научных исследованиях пришел к заслуживающему внимания выводу: «Человек постоянно сталкивается с необходимостью выбора одной из альтернатив поведения, и от него всегда ожидается проявление нормальных реакций на взаимодействие среды. Эти требования, в социальной психологии называемые “социальными ожиданиями”, необязательно исчерпывающим образом сформулированы, они как бы подразумеваются сами собой»².

Специалисты общей теории права, в целом поддерживая возможность отдельных видов ответственности за невиновное причинение вреда, все же отмечают, что «понятие правонарушения и вины – это определения одного и того же объективного содержания под различными углами зрения» [3, с. 115].

¹ Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общая ред. и вступ. ст. проф. М. А. Дынника. – Москва: Госполитиздат, 1955. – С. 155.

² Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. – Санкт-Петербург: Питер Ком, 1998. – С. 127.

Анализ исторических, философских, психологических и правовых позиций убедительно доказывает, что постепенно, по мере развития цивилизованности, общество и государство вопросы ответственности отдельных членов социума за нарушение установленных правил поведения все больше связывают с наличием или отсутствием у этих нарушителей определенного отношения к содеянному. Иными словами, для привлечения правонарушителя к ответственности уже недостаточно причинить вред охраняемым законом правам и интересам или создать угрозу причинения такого вреда, необходима и совокупность субъективных признаков, характеризующих самого нарушителя и его отношение к содеянному.

Результаты

Проблема вины сегодня остается одной из актуальных для отечественного уголовного права [4, с. 3], так как от ее правильного решения непосредственно зависят многие концептуальные вопросы: основания и пределы уголовной ответственности лица, совершившего преступление; определение момента окончания преступного посяательства; особенности квалификации деятельности соучастников в преступлении; пределы ответственности лиц, нарушающих уголовно-правовые запреты, действуя при обстоятельствах, исключающих преступность деяния; особенности уголовно-правовой оценки единого сложного преступления и множественности преступных деяний. Кроме того, признаки и формы вины зачастую используются законодателем при конструировании конкретных составов преступлений.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации³ (далее – УК РФ) в ст. 5 закрепляет принцип вины, согласно которому запрещается привлекать к уголовной ответственности лиц, чья вина не установлена. Давая определение понятию преступления, в части первой статьи 14 УК РФ законодатель акцентирует внимание на том, что общественно опасное деяние должно быть «виновно совершенным». Глава 5 УК РФ в ст. 24 предусматривает две формы вины, в ст. 25 и 26 дает развернутую характеристику видам умысла и неосторожности, в ст. 27 устанавливает ответственность за преступления с двумя формами вины, в ст. 28 определяет невиновное причинение вреда. Однако в кодексе отсутствует законодательная формулировка самого понятия вины.

Наиболее очевидными причинами отсутствия законодательного закрепления вины видятся следующие.

Во-первых, не смотря на то, что термины «вина» и «виновность» очень похожи и нередко используются отдельными учеными как синонимы [5, с. 99–117], они не совпадают по объему и содержанию, т. к. виновность – это скорее процессуальная категория, подразумевающая на основании ст. 49 Конституции Российской Федерации, что ее установление и юридическое закрепление происходит лишь вступившим в законную силу приговором суда. В связи с этим следует поддержать позицию тех ученых, которые обоснованно считают, что «если бы законодатель ставил знак равенства между виновностью и виной, то он должен был после слова «виновно» написать «то есть умышленно или по неосторожности» [6, с. 34–35].

Второй причиной, на мой взгляд, является явное противоречие между принципом субъективного вменения, занимающим в настоящее время господствующее положение в уголовно-правовой доктрине, который, по мнению отдельных ученых, является центральной проблемой отечественного уголовного права [7, с. 68–69; 8, с. 14–24], и той объективной оценкой, которую компетентные правоприменительные органы самостоятельно должны давать в достаточно распространенных случаях нарушения уголовного закона. К таким ситуациям относятся совершение преступления по преступной небрежности, однозначно непсихическое отношение субъекта к совершаемому регламентировано в ч. 3 ст. 26 УК РФ; превышение пределов необходимой обороны или правил задержания преступников, явное несоответствие которых закреплены в ч. 2 ст. 37 и ч. 2 ст. 38 УК РФ; совершение преступления в состоянии опьянения, о психических компонентах которого речь идет в ст. 23 УК РФ; совершение преступления лицом, находящимся в состоянии ограниченной вменяемости, в соответствии со ст. 22 УК РФ.

Определение «объективного вменения», которое закреплено в ч. 2 ст. 5 УК РФ, скорее вводит в заблуждение, чем раскрывает его содержание [9, с. 132], т. к. ст. 28 УК РФ многие содержательные вопросы определения должного и надлежащего отношения субъекта к совершаемому им деянию отдает на усмотрение правоприменителя.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Поддерживая А. М. Трухина, который считает, что «принцип виновной ответственности за содеянное может быть реализован только с учетом диалектической связи между формой, содержанием и сущностью явления»⁴, полагаю, что законодательное закрепление понятия, содержания и форм вины невозможно без определения ее сущности.

Взяв за основу диалектический подход Гегеля: «Явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы»⁵, приходим к закономерному выводу, что сущность вины как уголовно-правового явления познаваема через изучение ее внешних проявлений.

подавляющее большинство научной и учебной литературы по уголовному праву формулирует понятие вины как психическое отношение субъекта преступления к совершенному им общественно опасному деянию, выраженному в форме умысла или неосторожности⁶. Однако с этим категорически нельзя согласиться. Как бы лицо ни относилось к тому, что оно совершает, без надлежащей юридической оценки его отношения государством в лице его правоприменительных органов признать наличие у него умысла или неосторожности не представляется возможным. Речь идет не только о действиях так называемой «непреодолимой силы» и иных форс-мажорах, не только о вышеупомянутых состояниях опьянения и ограниченной вменяемости, но и о весьма распространенных преступлениях, совершаемых по преступной небрежности, когда законодатель прямо говорит о долге субъекта преступления предвидеть то, чего он реально не предвидел.

Прав А. Э. Жалинский, считающий, что «наличие вины означает, что именно данному субъекту, совершившему противоправное деяние, это деяние лично может быть поставлено в упрек» [10, с. 214].

Таким образом, вина как уголовно-правовое явление состоит из двух отношений: 1) психического отношения субъекта преступления к тому, что он совершает; 2) отношения общества, подразумевающего правовую оценку отношения лица к совершенному им нарушению уголовно-правового запрета. Причем первое отношение, как было показано выше, является обязательным не во всех ситуациях, второе же отношение должно присутствовать во всех без исключения случаях. Поэтому именно отношение общества, позволяющее предъявить упрек субъекту преступления, на мой взгляд, составляет сущность вины.

В российской уголовно-правовой доктрине общепризнанным является выделение двух основных компонентов содержания вины: интеллектуального (сознание и предвидение) и волевого (желание или стремление)⁷ [11, с. 137; 12, с. 51]. Не вдаваясь в их подробный анализ, который мною ранее уже был осуществлен [13, 14], следует отметить, что содержание вины будет неполным, если в качестве обязательной составляющей не будет включать в себя презюмируемую государством обязанность субъекта преступления надлежащим образом относиться к нарушению им прав и законных интересов, стоящих под охраной уголовного закона. К аналогичным выводам в своем диссертационном исследовании пришел и А. И. Плотников, по мнению которого, вина, в случае преступной небрежности «заключается не в психическом отношении, а в потенциальной возможности его наличия, служащей объективной основой неписаной социальной нормы (сформировавшегося в обществе представления о должном поведении), запрещающей определенное поведение» [15].

Заключение

В целях повышения эффективности механизма реализации принципа виновного вменения, считаю необходимым закрепление в действующем уголовном законодательстве следующего базового понятия: Вина – это упречное сознательно-волевое или ненадлежащее (презюмируемое государством) отношение лица к совершаемому им нарушению уголовно-правового запрета. Термин «ненадлежащее» сам по себе означает негативную, допускающую возможность предъявления упрека, оценку государством в лице его правоохранительных органов, недостаточно внимательного или небрежного отношения субъекта преступления к тому, что он совершил.

Всвязистем, что вина как любое уголовно-правовое явление всегда представляет собой единство формы и содержания, определение ее нового содержания вполне закономерно

⁴Трухин А. М. Вина как субъективное основание уголовной ответственности : учебное пособие. – Красноярск: КрасГУ, 1992. – С. 3.

⁵Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / вступ. статья Е. Ситковского. – Москва: Мысль, 1974. – Т. 1: Наука логики. – С. 307.

⁶Ахметшин Х. М., Дубовик О. Л., Дьяков С. В. [и др.] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. – Том 1. Общая часть / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – Москва: Норма, 1996. – С. 47.

⁷Парог А. И. Общая теория вины в уголовном праве : учебное пособие. – Москва: ВЮЗИ, 1980. – С. 12.

и неизбежно должно повлечь изменение законодательно закрепленных конструкций форм вины. Первой и по значимости, и по распространенности, и по общественной опасности видится форма вины, характеризующаяся упречным сознательно-волевым отношением субъекта преступления к нарушаемому им уголовно-правовому запрету.

В зависимости от соотношения содержательных признаков, характеризующих различные проявления сознания и воли субъекта преступления и соответственно разную степень общественной опасности такого отношения, следует выделить три вида сознательно-волевой вины: прямой умысел, косвенный умысел и легкомыслие.

Основным содержанием второй формой вины, в которой отсутствует реальное психическое или сознательно-волевое отношение субъекта преступления к совершаемому им деянию, должно стать оценивающее отношение общества к тому, что лицо совершило, как оно к этому относилось и, самое главное, как оно, с точки зрения государства и общества, должно было к этому относиться. Если будет установлено, что лицо относилось ненадлежащим образом, это обуславливает возможность предъявления данному лицу упрека, установления в его деянии презюмируемой вины и последующего привлечения к уголовной ответственности.

В заключение хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что между закрепленной в Конституции Российской Федерации презумпцией невиновности и наличием в отечественном уголовном праве презумпции вины нет противоречий. Лица, совершающие преступления в силу ненадлежащего отношения к охраняемым уголовным законом ценностям, безусловно заслуживают упрека и признания их виновными. В целях повышения эффективности института виновной ответственности считаю необходимым законодательное закрепление понятия вины и двух ее форм, различающихся по наличию либо отсутствию упречного (осуждаемого обществом) сознательно-волевого отношения субъекта преступления к нарушению им уголовно-правового запрета.

Список литературы

1. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева ; Перевод. – Москва: Политиздат, 1990. – С. 319–344.
2. *Ильин И. А.* О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – Москва: Рарог, 1993. – 234 с.
3. *Денисов Ю. А.* Общая теория правонарушения и ответственности: Социологические и юридические аспекты. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1983. – 142 с.
4. *Недопекина Т. Б.* Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, проблемы теории и практики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
5. *Сергеева Т. Л.* Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. – Москва; Издательство и 2-я типография издательства Академии наук СССР в Москве, 1950. – 184 с.
6. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении : монография. – Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. – 136 с.
7. *Келина С. Г.* Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 65–71.
8. *Рарог А. И.* Проблема вины и реформа уголовного законодательства / Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступностью : сборник научных трудов / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – Москва: [б. и.], 1989. – С. 14–24.
9. *Язовских Ю. А.* Превышение пределов необходимой обороны и принцип вины // Российский юридический журнал. – 1997. – № 3 (15). – С. 129–136.
10. *Жалинский А. Э.* Современное немецкое уголовное право. – Москва: Проспект, 2006. – 560 с.
11. *Утевский Б. С.* Вина в советском уголовном праве. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 318 с.
12. *Назаренко Г. В.* Вина в уголовном праве. – Орел: Орловская высшая школа МВД РФ, 1996. – 94 с.
13. *Векленко С. В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2002. – 192 с.
14. *Векленко С. В.* Диалектика и вопросы вины в уголовном праве : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 84 с.
15. *Плотников А. И.* Объективное и субъективное в преступлении : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2011. – 240 с.

References

1. *Sartr Zh. P. Ekzistentsializm – eto gumanizm / Sumerki bogov / sost. i obshch. red. A. A. Yakovleva ; Perevod. – Moskva: Politizdat, 1990. – S. 319–344.*
2. *Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya / sost. i avt. vstup. st. I. Smirnov. – Moskva: Rarog, 1993. – 234 s.*
3. *Denisov Yu. A. Obshchaya teoriya pravonarusheniya i otvetstvennosti : Sotsiologicheskiye i yuridicheskiye aspekty. – Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1983. – 142 s.*
4. *Nedopekina T. B. Prestypnoe legkomislie: voprosi zakonodatelnogo regyirovaniia, problem teorii i praktiki. – M.: Yrlitinform, 2011. – 176 s.*
5. *Sergeyeva T. L. Voprosy vinovnosti i viny v praktike Verkhovnogo Suda SSSR po ugovolnym delam. – Moskva; Izdatel'stvo i 2-ya tipografiya izdatel'stva Akademii nauk SSSR v Moskve, 1950. – 184 s.*
6. *Martsev A. I. Obshchiye voprosy ucheniya o prestuplenii : monografiya. – Omsk: Omskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 136 s.*
7. *Kelina S. G. Nekotoryye napravleniya sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 5. – S. 65–71.*
8. *Rarog A. I. Problema viny i reforma ugovolnogo zakonodatel'stva / Problemy ugovolno-pravovoy bor'by s prestupnost'yu : sbornik nauchnykh trudov / otv. red. B. V. Zdravomyslov. – Moskva: [b. i.], 1989. – S. 14–24.*
9. *Yazovskikh Yu. A. Prevysleniye predelov neobkhodimoy oborony i printsip viny // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 1997. – № 3 (15). – S. 129–136.*
10. *Zhalinskiy A. E. Sovremennoye nemetskoye ugovolnoye pravo. – Moskva: Prospekt, 2006. – 560 s.*
11. *Utevskiy B. S. Vina v sovetskom ugovolnom prave. – Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1950. – 318 s.*
12. *Nazarenko G. V. Vina v ugovolnom prave. – Orel: Orlovskaya vysshaya shkola MVD RF, 1996. – 94 s.*
13. *Veklenko S. V. Ponyatiye, sushchnost', sodержaniye i formy viny v ugovolnom prave : monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2002. – 192 s.*
14. *Veklenko S. V. Dialektika i voprosy viny v ugovolnom prave : monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2003. – 84 s.*
15. *Plotnikov A. I. Ob'yektivnoye i sub'yektivnoye v prestuplenii : monografiya / otv. red. A. I. Chuchayev. – Moskva: Prospekt, 2011. – 240 s.*

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted January 30, 2024; approved after reviewing April 26, 2024; accepted for publication May 17, 2024.